

РАБИНОВИЧ Вадим Львович / Vadim RABINOVICH

| Вечность без пяти минут |

РАБИНОВИЧ Вадим Львович / Vadim RABINOVICH

Россия, Москва.
Российский институт культурологии.
Профессор, доктор философских наук.Russia, Moscow.
Russian Institute for Cultural Research.
Prof., PhD.

ВЕЧНОСТЬ БЕЗ ПЯТИ МИНУТ ПРОЛЕГОМЭНЫ К БЕССМЕРТИЮ*

Последний текст профессора Рабиновича (1935–2013) словно закрывает эпоху поэтического философствования, отличающего российскую мысль. В статье автор сосредотачивает свое внимание на ненарративной философии языка и внутренней речи, ставит вопрос о возможности «тиражировать» и изобразить внутреннюю речь, анализирует два значимых культурных проекта — авангардный проект Хлебникова-Крученых и интернет-проект современности «ВсеМ».

Ключевые слова: поэтическая речь, философия языка, ненарративное, внутренняя речь

Five Minutes to Eternity

This is the last text written by Prof. Vadim Rabinovich (1935- 2013). This article concludes the epoch of poetical intellectualization, which characterizes the Russian philosophical tradition. In this article, the author focuses on the philosophy of language and non-narrative "inner" speech, raises the question of the possibility of "replicating" and portraying inner speech, analyzes two major cultural and avant-garde projects - Khlebnikov-Kruchenyh, and an internet project about modernity, entitled "To Everyone".

Key words: poetic language, philosophy of language, no-narrativity, inner speech

Жизнь ведь тоже только миг,
Только растворенье
Нас самих во всех других
Как бы им в даренье.
Борис Пастернак

Кто эти те, кого уж нет, и чьи жизни я собрался продлить аж по сей час? Это те, кто отвесил пощечину общественному вкусу в защиту свободного искусства сто лет назад — в 1912 году: Д. Бурлюк, Н. Бурлюк, А. Кручёных, В. Кандинский, Б. Лившиц, В. Маяковский и В. Хлебников — великолепная семёрка будетлян. В этой самой Пощёчине Н. Бурлюк воспел (правда, в прозе) страну «покинутых храмов и жертвенников» Гилею — мифическую родину этих самых будетлян («Тишина Эллады», с. 69–70). Годом позже вышел «Союз молодёжи 3 при участии поэтов Гилея» (март 1913). Пощёчина — в Москве, Союз — в СПб. Состав авторов тот же. Но в Союзе ещё и Э. Спандиков, открывающий литературную часть своим эссе «Лабиринт искусства».

* При поддержке РГНФ, проект № 11–03–00792а «Типология ненарративного в поэтической речи. К философии языка»

Так конституировалась группа Гилея, чью жизнь я вознамерился продлить, вызволив их жизни оттуда сюда, а свою — тоже продлить, но в другой конец — и в самом деле туда, со встречей, так сказать, в Бологом, если двигаться из Керчи в Вологду, или же наоборот. Как временное преодоление смерти, а там, глядишь, как получится...

Не оправдывает ли всё это название нашего проекта — «Мирсконца и мир сначала» — пути, проходимого мною и ими как будто по тем же точкам, хотя и не точь-в-точь по тем же, как это мы уже заметили, читая «Мирсконца» с её вперёд-назад драматургией, принадлежащего перьям двух самых верных будетлян — Хлебникова и Кручёных? Живём только раз. И повторить-переиграть в этой жизни нельзя ничего... Читая, но и рассматривая картинки художников их круга: Малевича с его техникой супрематизма, Ларионова с его лучизмом, Гончаровой и Розановой, работающих — каждая по-своему — в технике «как оно есть»... Они-то и визуализируют праречь наших речетворцев. И тогда текст, который сейчас складывается, может быть назван так: «Вживлённый в хаос перворечи — дизайнеру футуристических первоматерий».

А теперь вспомним автоаннотацию-инициал — первую интуицию замысленного.

РАБИНОВИЧ Вадим Львович / Vadim RABINOVICH

| Вечность без пяти минут |

* * *

Возможно ли тиражировать внутреннюю речь? А изобразить?..

Начало века и конец века взяты в модусе культуры как творчества и сопоставлены в поле глобального гипертекста на всё прошедшее столетие.

Для сопоставительного анализа выбраны два особо значимых культурных проекта, отметивших начало и конец XX века: авангардный книгоделательный опыт Хлебникова –Кручёных со художниками (футуристическое литографированное книгоделание как артель одиночеств: «Мы и Я», адресованное безличному «Они») и интернетовский проект, предназначенный к виду «Всем», а то сути лично каждым лично каждому в трепетах нескончаемой боли тоски.

Авангардная речь начала века как воплощённая в книге первоматерия бесщётных начинаний — творчество из стихии «внутренней речи» — принципиально не тиражируема, моноэкземплярна, всегда на первой (если не на нулевой) странице. Рассматривается она в самом широком контексте — от «Слова о полку...» и Тредиаковского с Ломоносовым до Пригова и Рубинштейна; замешана на детских лепетах и нелепицах юродивых и сбражена в гулах библейского Дня Ноль. То же и слово в интернете, но с той существенной разницей, что оно оформлено, свершено; но тут же вновь пропадает в пучине виртуальной реальности компьютерных техник.

Так конец века, накоротко замкнутый на его начало, возрождает феномен книги как манускрипта, хотя и техногенной природы; по-новому возрождает культуры индивидуальных миров взамен клишированных клонирований массовой культуры.

И ещё одна уникальность этого сочинения. Роль автора, встретившего своих персонажей-собеседников спустя столетие и вступившего с ними в запоздалый диалог из двух углов. По мере вхождения в контакт со странным футуристическим материалом герой и автор превращаются один в другого: автор предстаёт футуристом первых двух десятилетий XX века, герои же в аналитическом бесстыдстве переживают сей день (21 века?).

Восстанавливается длиною в век их непрекращающаяся жизнь с ритмическими паузами со-бытия и оттого живыми переживаниями со-переживающих вдохов — выдохов. В культуре авангардной поступающей речи. Тексты футуристов — авторские вариации по ходу жизни. На волнах пульсирующей памяти...

В этом — всё дело.

* * *

Всё в одну цену. И потому бесценно... Коллаж, декупаж, ассамбляж. Аж!.. Сплошь вернисаж. Кувырком, кубарем, врасплох. Вдрызг. Вразнос. Фаер — вверх. Наперекосяк. Невпопад. Торчком...

Как чёрт из табакерки или, что то же, как Бог из машины. За здорово живёшь и за милую душу. Одним словом, эники-бенники...

Никакой соревновательности. Все — первые среди равных, и нет тех, кто равнее...

Разноцветье, разнотравье, разно-образие. Разнопородье... Всё танцует и поёт под пеан колоколов и теньканье колокольчи-

ков и смотрится лоскутным одеялом на весь вселенский окоём. Под сурдинку музыки сфер, но под плач плачущей лиры.

Ледостав летейских вод, схваченных холодом Коцита. Остудные пламена. Футуристическая матерщина Дыр Бул Шыл. «Поножовщина обломков», когда слегка отпустит лунный холод. Одним словом, «холодок бежит за ворот» под перезвон и перезвяк дверных цепочек. Литавры кандалов и оков...

Иначе говоря, танцевала рыба с раком, а петрушка с пастернаком, а Рубинштейн с Приговым, а Рабинович — на подтанцовке у Хлебникова с Кручёныхом, позвякивающих и подтренькивающих Мирсконца, мирсконца и бормочущих абракадабрами перворечи...

Входил в вертеп первого дня Нового Завета и заходил в преисподнюю, чтобы вновь войти. И уже навсегда и навезде. «Он вышел раньше, чем вошёл» (почти по-ленински, как это подсмотрел Пастернак).

А мир всё так же вызванивает своё Мирсконца, мирсконца, точно так же, как по-блоковски «утрело, с богом, по домам... позвякивали колокольцы» и всходило пастернаковское Новое утро, узанное в лицо, но живущее по-хлебниковски — вне протяжения. Смыкаются времена-эры и вновь рассыпаются на кванты-секунды, как та стая лёгких времирей...

Как всё это изобразить? Может быть, портретами, шаржами, карикатурами, фотографиями наших героев и тех, кто около и в рифму — поодаль? Шиворот-навыворот, вверх ногами, с перепутанными датами — сначала умер, потом — родился?

Первый вернисаж — картины, шаржи, фотки...

* * *

Всё косноязыко бормотало. Первый окликал второго, второй — третьего, а третий тербил своим бормотством первого. Но все слушали вселенскую праречь, коею наполнилось и ломилось Всё.

Куда всё это вместить-поселить? В какую вселенную?..

Сдвиг многообразен. Но органы чувств фиксируют два фундаментальных типа сдвига: буквосдвиг, ориентированный на зрительное восприятие; звуко-сдвиг, ориентированный на слуховое. Между ними — зияние, преобразующееся, при определённых условиях (творческой интуиции), в сияние лицезрения, и мелос — слышание нового смысла, до поры сокрытого, прикровенного. И здесь звук и цвет в их волновой природности создают третье измерение — измерение объёма. Крытое помещение со стеклянными крышей и стенами, где всё это будет происходить, — жизнь неопита, угоди-вшего в мир первословия.

Но если звук имеет всё же измеримую скорость, и потому плоскость — круг, который, обрастая жирком, становится шаром, то свет с его непредставимо большой скоростью вздыбливает круг Земли с окрестностями до шара величиной со Вселенную в её бескрайнем светолитии. Между тем, конкретика сдвигологического проекта имеет дело с греческими тмесисами (сдвигами) клинописной, квадратно-остроугольной, игольчатой, пирамидально-ромбической, кубической природы. Так сказать, квадратно-гнездовой. Вот почему речь может идти о пленительном чаянии решить иррациональную — линейно не решаемую — задачу: квадратуру круга (плоскостной вариант) и кубатуру шара (объёмный вариант этой задачи). Кубистический проект и ларионовский лучизм — этому сродни.

РАБИНОВИЧ Вадим Львович / Vadim RABINOVICH

| Вечность без пяти минут |

Спрашивается: можно ли в таком пространстве жить? Остроугольно — игольчато... Но коли вошёл — привыкай и живи. Во всяком случае попробовать надо. Тем паче, сам влез, и теперь расхлёбывай. Слюбится — стерпится. А может, и впрямь полюбится — придётся по сердцу и по душе. И тогда...

Лицо восстановлено — мелосом и цветом. И ни чем иным. Круг — шар, объявший и скругливший оттопыренные губы, косящие взоры, излом бровей, нос с горбинкой, скрежет и звук цепи-цепочки. (Снова Хлебников с его лицом, живущим «вне протяжения».) Лицо, приведённое в соответствие с округлым и всецелым Мирозданием — светозарное и поющее. Но... сдвигающая молния (протяжённый свет — луч-клинок) соединяет тучи-шары.

«Для веселия планета наша мало оборудована» (Маяковский). Но мало-помалу обустроивается... Жить можно!

Второй вернисаж. Стереометрическая планиметрия. Разъятие, расчленение, вивисекция и расчленёнка геометрических форм — до линии, до точки. Декор чёрного квадрата на фоне радуги цветоделия. Шрифты, почерки, наборные штампы. Со-буквы Сергея Сигея, регулярное письмо Льва Рубинштейна. Разноцветие шрифтов — цитатных вкраплений, стихотворных зонгов автора. Стилизации и подобию. Одним словом, декор...

Переплёт книги о футуристической книге тоже может быть стилизован под «Игру в аду» Кручёных и Хлебникова — под титульный рисунок Малевича с образиной чёрта. А если повернуть книжку на 1800, сразу же на той же полосе проступит иконописный лик (подмечено А. Рылевым). Лицевая сторона переплёта с чёртом и оборотная — с ликом Христа. Довольно пол-оборота — и мы уже на пути из Преисподней в райские кущи. Уже почти там.

* * *

Как живёте-можете? Уютно ли вам в вашем мире — в быте, разворочённом бурей (Есенин)? Стал ли этот остроугольный быт для вас бытием? Уютно ли? .

Цветная клей и сулька сва (осколок свалившейся с крыши ледышки-сосульки?). Кручёныховские фишки-пустышки. За-морочки-примочки Алексея Алексеевича, сконструировавшего свой мир из звукобукв, цветоформ, контуров и плоскостей — сколов и срезов культзнаков: афиш, газет, цветных наклеек, тряпиц, обносков и шобонов, обломков литер, Эвклидовых фигур в наездах и разбегах к центрам и перифериям пространств-времен в их взвихренностях и ступорах, Виттовых плясках и атомарностях слов, косноязыко мыгачщих и бляющих в филологических каптёрках и корнесловных провиантских складах для вселенских дисгармоний, разрушивших божью благодать Яблоком, кол-лажеобразно скатившимся взрывным ведуном, вздыбив равнину двумерности. Демииургически мощно. Словозрительно. На срезах, изломах, разломах. Раздорно, вздорно... Здорово!

Коллаж из всего: консервных банок, этикеток, цитат... — в сдвигах и сшибках. Такая культура, такое вытворение. Такая вот вистопляска!

Гетерогенная материальность, вырвавшаяся в гомогенное пространство-время.

Откровенно разнородно — разноприродно при тайном чаянии однородной поверхности, зашкуренной и прилаженной

фуганком и наждачной шкуркой к соседнему брусу аккуратно и впритык. Заподлицо. Вскленье и вровень. «Пелены» и «воздухи» по глади вод. По-над водою...

Уютно ли вам в ваших «Свосях»? .

Какой уж тут уют среди бумажной и тряпичной памяти, помоечного шурум-бурума, свалки при свете дня (мюзикл Вебера «Кошки»)! Сплошной «хаосмос» и «бумажная память» (и то и другое — Умберто Эко).

Бумажная память отсылает нас к книге. Какие же книги там читали, но сначала делали? И она — книга — тоже была коллажна и в этом смысле цитатна. И в качестве таких цитат выступал материал: бумага, метизы (скрепки), картон, переплётные материалы, нитки для брошюровки, шрифтовые краски и чернила для иллюстраций, туши... И все они — не только вспомогательные материалы, но и встроены в сюжет. Они, в некотором роде, персонажи книги, но и материал. Одухотворённый материал, а не только то, из чего... Лишённые объёма (третьего измерения), они встроены в двухмерность страницы (листа), и потому виртуально коллажны (точнее — ассамбляжны). Внекнижный (засценический) план вос-полняет со-природную (нерукотворную) коллажность книги и её объём-фактуру, над которой потрудились природа: лес, из которого сделана бумага; вещества для красителей; железная руда для метизов; пенка и жгут для ниток-верёвок... Да мало ли что ещё! .

И, наконец, книга как материализованный объём — плотный, предметный... Коллажируемый объём в ассамбляжах пространств культуры. Истаивающий в чистую духовность (текст — вербальный, живописный, графический) и вновь уплотняющий духовные флюиды-эманации в себя же самого — предмет, объём. Книгу. В изделие.

Но среди книг-тиражей есть книга особобастья. «Самописная» литографированная — футуристическая — книга. Коллажно-аппликационная, на клею. Точнее: на «цветной клее». Книга — «цветная клей». Порождающая и порождаемая. Творящая и творимая. Творящая и, одновременно, сходящая — по собственной своей природе — на нет. Но — творящая...

Беспорядочный мир коллажа. Конструирование этого мира: живого, неряшливого, шурум-бурумного... Такая вот житуха у наших будетлян. Жизнь-жестянка...

Вернисаж коллажей, где каждая вещь вещает.

* * *

Как же войти в этот странный мир, так сказать, с суконным рылом человеку рубежа веков — XX и XXI — с иным опытом, с иными обыкновениями? Но так ли уж радикально иными?

Всё-таки я почти двадцать (правда, не двести) лет живу вместе с моими футуристами, взяв от них кое-какие повадки и обычаи. Скажем, личный — чувственный, если не предметный — опыт коллажа. Расскажу об этом, чтобы вы представляли себе, как я входил в их материю вековой давности.

О многоцветных лоскутках.

Мальчик-первоклассник на своём игровом бегу выдрал клок из левой штанины серо-голубой джинсы. Покупать новые брюки начётисто, потому что мальчик из бедных мальчиков. Залатать джинсовой же, белёсой от многолетней потёртости заплатой — лишь подчеркнуть бедность, ранящую детскую душу в нынешнем мире леви-стрессовской джинсы и замшевой

РАБИНОВИЧ Вадим Львович / Vadim RABINOVICH

| Вечность без пяти минут |

натуральности валютных кож. Что делать? Изобретательная портниха-мать в роли голи, хитрой на выдумки, не раздумывая, лепит на дырку и на симметричное ей целое место на другой штанине две цветные — в капризах разноцветья — тряпицы, оставшиеся от старого лоскутного одеяла. Конструкция состоялась, красота случилась, а бедность скралась откровенностью коллажа, при том, что нарочитость эта нахально утверждает, что так было задумано с самого начала. Спасительно и эстетически коллажно. Заметно, если всмотреться в разнородье материала. Искусно, если взглянуть в бесшовность швов. Естественно, если мальчик в кругу сверстников — в промельках забав и радостей лоскутного карнавала нынешних разноимущественных детств.

Всё это я лично видел, а сделала это мать-портниха. Она сделала, а я заметил, прожил эту ситуацию, и потому вместе с нею её пережил и переживаю по сей час, припоминая. И это стало и моим опытом тоже. Коллажным и авангардноподобным, и вот с тем я вхожу в коллажную неразбериху Кручёныха с Хлебниковым. Теперь уже со своим лоскутным одеялом для завтрака на траве, в красиво залатанных джинсах — как в Тулу со своим самоваром. Состоялась встреча двух коллажей столетие спустя. Без драки и мордобоя. Как положено. Вежественно...

«Когда б вы знали из какого сора...»

Ещё один вернисаж. Коллаж из моей жизни на коллаж жизни той. И теперь они живут вместе. Как бы одной жизнью, но при сохранении этих двух, в виду друг друга, более того — кентаврически слитно.

* * *

Какой же премудрости набрались от меня мои бюджетляне? — Книжный образ анти-книги моноэкземплярным тиражом. Всегда на первой, если не на нулевой, странице. С чистыми страницами и разворотами. С чистого листа, с обрывающимися в бездну краями картинок-гравюр в бесконечные пустоты, чтобы начать всё с начала — в наскально-пещерной звукобуквовой литеральности в перспективе интернетовских бездн, полных звезд — файлов и сайтов; звёздных человеческих одиночеств. Небокнига и теникнига. Сканирование на небеса...

Вот и встретился книгоделательный опыт Хлебникова — Кручёных с интернетовским проектом XX века (в моём сознании, но и в их тоже — в их предощущении анти-книги). Именно в такой вот книге-антикниге и воплотился уникальный — штучный! — опыт наших книгоделов. Сплотились духословие и вещесловие в качестве трёхмерного коллажа в двухмерности книжного листа и в пафосе нескончаемых начинаний. В метафорической буквальности. Но — метафорической. Но — виртуальной. И при этом всё же в буквальности: с наклейками, нащёлками, набалдашниками, намордниками и нарукавниками, на — ... Рукотворное продолжение природного... Уже не экземпляр, а штука. Уникум. Штучное, так сказать, изделие. Избывание книги как таковой в книгу-коллаж. Истайвание наклейки-нащёпки. В звёздную до-печатность, до-коллажность, до-рисуочность... Наивное вот-вот и простодушное только-только. Предречь... В мореве взёми, а в мареве неба — с небедями и времирями. Плывущий в пеленах и воздухах кубо-футуристический мир. А ему навстречу мир

наш — интернетовский и немножко мой. Но насколько мой и насколько их? Два в одном? Посмотрим...

Завершу этот лоскутно-книжный вернисаж парадом обложек футуристических литографированных книг 10-х — 20-х годов прошедшего века, прибавив к ним ещё две — упоминавшиеся уже «Со-буквы» и «Регулярное письмо». Смычка коллажей на книжных полях разноглубокой вспашки.

* * *

Поль Валери, сочинив своё «Введение в систему Леонардо да Винчи», признался, что он так глубоко вошёл в Леонардо, что теперь не знает, как из него выйти.

Вот что делает любовь с человеком! Собачья привязанность — и ... до конца, потому что «собачье сердце устроено так: полюбило — значит навек...» В любви разлюби не бывает, если только и в самом деле была любовь.

Полюбив моих футуристов, буду любить их всегда, став в полной мере ими и в той же мере оставшись при себе самом — любящим. А они мною станут?

...и вот уже лепо бьшет своё слово Боян, месяц едет, а котёнок плачет, бог весть откуда взявшийся всадник из меди тяжело-звонко мчит по потрясённой мостовой, мороз дерёт раненым медведем, а носатый поэт тенькает своими шпорами у запёртых дверей красавицы из Хоросана, воображая себя поручиком в отставке, возвратившимся из Абиссинии, чтобы рассказать о тамошних кошках, которые никогда не мурлычат, но которых размурлыкал офицер-зверолюб, почти два часа нежно их глядя, как тех сухих и чёрных кошек добрейший человек Маяковский, и я вслед за ним свою беленькую кошечку, а Кача между тем живёт с сестрой, Ютца убивает своего отца и мама гоцает и бренчит в свои берби-цуцы, бузуки-казаки едут и едут, избы горят и горят под цыганское с переборами . уй-наны, а по дороге рассыпается футуристическая матерщина, как уже сказано, дыр-бул-щыл и лошади плывут на исходе своих лошадиных сил, возражая тем, кто их порешил утопить в пучине моря, а по-над водою хищно реют чайки, и лёгкие времири рассекают воздуха и вздыбливают пламена, а в это самое время молодой Андрей в своём Политехе восклицает про Польшу, шампанское, танки палящую Польшу, а его собрат по Эвересту Евгений, как тот синий гусар, взвывает белые снега России, а городенские трубы поют, а между тем Чёрт Багряный Герцевич наверчивает своего Шуберта и сыплет его в луночь, звездич и саночь... а я всё сплю и сплю, как боже мой уха...

* * *

А восход уже пылает в 140 солнц. Не есть ли это мощнейшая футуристическая метафора — Победа над Солнцем?! Мирсконца не отпускает и теперь уже не отпустит никогда, потому что отныне вся русская поэзия — футуризм, а я в нём самый главный. Ведь он — на мой собственный взрыд. Не пересказать... С тем и живу. Думал: стану включённым — точнее, вживлённым — наблюдателем, а стал им самим — простым русским футуристом, пригнанным заподлицо...

«Я оглянувшись посмотреть, не оглянулась ли она, чтоб посмотреть, не оглянулся ли я», — зачем-то нашептал мне Максим Леонидов, а должен был налепетать Хлебников. Тополи-

РАБИНОВИЧ Вадим Львович / Vadim RABINOVICH

| Вечность без пяти минут |

но и, как первый снег, чуть слышно свой Мирсконца... Да и писать я стал как-то не так. Например, мой Футуристический пейзаж получился каким-то кручёныховско-хлебниковским. Вот он:

Футуристический пейзаж

Цветная клей и сулька сва.
Уж не сосулька ли свалилась?
Кривым когтём перекрестилась
Одна учёная сова.

«Туншап» и «Качилдаз». Язык
ломал, аж челюсти ломило.
Диагноз ставил: острый бзик,
Притом, что пациент — чудила.

... бесовских книг, бесовских книг. . .

Смотрите сами: краски шмат
Швырнул, чем смазал карту литер,
И кровью высинил стигмат,
А лишнее платочком вытер.

А пуговица от кальсон
(Из реквизита «шито-крыто»)
К обложке намертво пришита,
Всем этим фишкам в унисон.

... поёт Кобзон, поёт Кобзон. . .

Как раскардаш на абордаж,
Та беззаконная комета
Вошла в сей мир, как входят в раж,
В то фиолетовое лето.

. . . ах, вернисаж! ах, вернисаж. . .

Любите этот ассамбляж,
Цените это празднородье,
Как любит Бог разнопородье
В своей рабочей мастерской. . .

А Велимирова душа
В самосиянии витала,
Выдельвая антраша
Даже тогда, когда устала.

Когда же сделалось темно,
Как одесную, так ошую,
Неслышно села на окно,
Пчелой печальной крылышкуя.

Теперь уже вместе живём. Кентаврически. Впрочем, каждый гуманитарий — кентавр, как «все мы немного лошади». Хотя каждый — лошадь по-своему. Так было всегда. Но — невольно. А теперь будет вольно. Например, в кафе «У трёх кентавров», которое я придумал только что. Это: Фаустофель, Сан-

чиХот и ЯньдроГинь. Но СанчиХот — не есть ли он Хлебников со Кручёныхом, и вместе они — со мной и во мне!?

Все сюжеты здесь кентаврической природы, разглядываемые как бы двойным зрением. Исследователь вместе с исследуемым. Нераздельно, но и не слиянно. Они на пограничье. Конгениальны друг другу. Там и тут. Но, как говорил Виктор Степанович, тут это вам не здесь.

И всё это в модусе междуречья. Прежде всего это между речьями (по меньшей мере двумя). Или это о реках (тоже по меньшей мере двух), текущих рядом, вытекающих одна из другой или же впадающих одна в другую. Меж, но и сообщаясь (общаясь).

И тут как раз кстати культурология как наука опытная. Она менее всего позитивистское знание о чём-то культурном. Она ставит опыты над всем, чему даровано имя, имея дело с мыслью об этом всём. А мысль это всегда тот, кто мыслит — со всеми своими страстями и жизненными перипетиями. Ставит опыты и над ним тоже. Участная наука с включённым (точнее, вживлённым) наблюдателем. Подобно современной физике, включающей в экспериментальную ситуацию материю, прибор и самого физика, или, что то же, культуролога со своей оптикой. И тогда все науки гуманитарны.

Трещина прошла по моему сердцу. Случился инфаркт — кровотокающий, ещё незаживший, но сладостно горчащий — андрогинный, двумирный. Многомерный...

Так вот и живу. Вперемежку. Как бог на душу... А бог ничего плохого на душу не положит. На двоих-троих. И снова — в сто сорок солнц! В трёх временах. Меж Вологодой и Керчью. В Бологом. Чутьочку длинней отпущенного. И они — в милой взаимности — тоже чутьочку длинней. Я — туда, они — оттуда. Борясь — вместе! — с прахом не-жизни.

Возвращусь к началу — к эпиграфу:

Жизнь ведь тоже только миг,
Только растворенье
Нас самих во всех других
Как бы им в даренье.

Гёте в беседах с Эккерманом сказал примерно следующее: нужно умереть, чтобы иметь много жизней. Это в пандан Пастернаку — умирание нас самих во всех других как бы им в даренье. Продление их жизней за счёт нашей, а наша продлевается нашими историческими знакомцами — героями литературы — в оба безконца. Именно для этого вся словесность. . .

Как всё это изобразить? . .

Тише, воды! Ниже, травы!
Выше, неба зонт!
Кто налево, кто направо,
Кто за горизонт.

Вот в каком концертном зале
Птичка Зинзивер
Открывает свой бьеннале
Музыкою сфер.

РАБИНОВИЧ Вадим Львович / Vadim RABINOVICH

| Вечность без пяти минут |

Станут медленны форели
С левой стороны,
И пугливы свиристели
С правой стороны,
Станут ковыли безмолвны,
Голубые льны,
В час отлива схлынут волны,
Полные луны.

Вслед и я, как тень от тени,
От ниотчего,
Просквожу из поля зренья
В поле *ничего*,

Но, прощаясь, просияю
От умерших звёзд,
А пока иду по краю
В собственный свой рост,
Или так: *не* просияю
Я ни там, ни здесь,
Всё равно иду по краю
В рост, какой уж есть,
Или наконец: не знаю,
Здесь я или там,
Знаю только, что по краю. . .
Там-па-рам-пам-пам.

